

**Теодор ШАНИН,
профессор Манчестерского
университета, Великобритания,
Ректор Московской высшей школы социальных и
экономических наук**

Умом Россию понимать надо Тезис о трехъединстве России

О парадоксальности русской истории говорилось часто и в России, и за ее пределами. Знаменитые тютчевские слова "умом Россию не понять" хорошо помнятся и легко воспроизводятся. Это и признание сложности осмысления российского исторического процесса, и вместе с тем своего рода заявка на право ошибаться в оценках и прогнозах всех тех, кто пытался предвидеть будущие судьбы страны: маститых русских историков, советских идеологов, гарвардских кремленологов, светских болтунов и "человека улицы", на которого все происходящее в XX в. продолжало валиться как снег на голову. Тютчевская формула удобна многим, но отсылка к ней отнюдь не помогает осмыслению исторических реалий в бурном XX в. Сценарий революции 1917 г. и впрямь не смогли предвидеть ее современники, но его на удивление точно предсказал в 1862 г. народовец Кибальчич¹. Ближе к нашим дням, в первоначальном пятилетнем плане Громан очень точно определил реальные параметры возможного ускорения индустриализации, а параллельно Чаянов столь же точно предсказал результаты сталинской коллективизации (и дал ей реалистическую альтернативу с эзоповым названием "вертикальная кооперация")². Умом Россию понимать и можно, и должно, а вопросы парадоксальности сформулировать надо бы следующим образом"

---

¹ Народная воля. 1881. № 5 (подписано А. Дорошенко, т.е. псевдонимом Н. Кибальчича. "Народная Воля" издавалась нелегально). См. также: *Shanin T. Late Marx and the Russian Road. N.Y., 1983.*

² *May В.А. Реформы и догмы. М., 1993 (о Громане); Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М. 1927.*

1. Какие аналитические модели и методы познания способствовали пониманию характера и направленности развития страны, а какие мешали и мешают?

2. Почему в России сама способность понимать так часто искоренялась и гибла вместе с носителями этой способности — ведь всех троих авторов, названных выше, объединяет смерть от рук палача?

"Парадокс" — это когда увиденное и услышанное не вписывается в рамки и модели, признанные нами рациональными и/или самопонятными. Парадоксальны не реалии. Чаще всего дело ведь не в свидетельствах и фактах, а в способах познания — в наших привычных, "общепризнанных" моделях и теориях истории. Англичане часто повторяют: "Beauty lies in the eyes of the beholder" (красота — в глазах смотрящего). Это верно и для наших заблуждений.

В рамках научной историографии XIX в. сложились и противостояли два фундаментальных пути понимания развития России — "западническое" и "прогрессистское", согласно которому Россия — это отсталый эшелон, догоняющий передовые европейские страны, и, напротив, "славянофильское", согласно которому Россия — уникальная и определяемая особенностями души русского народа. На переломе столетий быстрая индустриализация дала явный перевес "западничеству" в самосознании образованной России. В частности, в свойственных "западникам" понятийных рамках революционная волна в 1905—1907 гг. воспринималась как исторически неизбежное повторение 1848 г. Центральной и Западной Европы. (Тогда часто повторялось: "Мы отстали на 50 лет от Европы".) Но закончившаяся поражением революция обнаружила особенности и феномены, которые добавились к списку парадоксов. Важнейшие выражения и формы революции оказались прямо противоположными модели 1848 г. Революционный эпицентр оказался не в центре империи, а на ее периферии. Крестьяне, которые в середине XIX в. с присущим им монархизмом или пассивностью спасли "старый режим" Франции, Германии и Австрии, в России оказались мощнейшей революционной силой, сделав и первый, и второй парламенты, как и сугубо крестьянские фракции в них антиправительственными и т.д.¹

Процесс и разгром революции 1905—1907 гг. привели к тому, что их следствием стало осознание особенностей России не как (или не только как) "отсталого эшелона", как и не выражения русской уникальности. Политическими носителями альтернативы обоим этим до того господствовавшим взглядам стали, с одной стороны, П.Столыпин, а с другой — часть российских марксистов, особенно Ленин, Парвус, Троцкий и Жордания². Подоплекой радикально

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905—1907 → 1917—1922. М., 1997, ч. 2.

² Там же.

новой картины России и политической стратегии, которую они начинали осознавать (но не признали и не назвали), стала характеристика России как важнейшего феномена, который только в 1950—1960-х годах отчетливо определился и был назван "третьим миром" (или более мягко — "развивающимися странами")¹. Ядром нового взгляда на общества этого ряда стало понимание их исторического развития не как "догоняющего", а как "зависимого" (выражением чего является углубление, а не исчезновение разрыва между богатыми и бедными на мировой арене)². Из этого следовал очень особый вид "западничества". Это было "западничество" в определении целей, но без веры в натуральный и спонтанный эволюционизм как решающий механизм развития и посему — принятая стратегия решительного и революционного вмешательства в структуру общества. Этот "третий путь" переводил в новую плоскость затянувшийся спор XIX в.

Не случайно, когда в 1950—1968 гг. проблематика "развивающихся стран" заняла центральное место в спорах обществоведов, так много из того, что было ими сказано, опиралось на работы А.Тершенкрона (Гарвард) и П.Барана (Стэнфорд), т.е. ведущих специалистов США по политической экономии России начала XX в. — ее либерального и, напротив, марксистского крыла³.

Вот почему высказывания в духе того, что "если бы не большевики", то российский "эшелон" вкатился бы в конце концов на ту же лондонскую станцию Виктория, — сны наяву или идеологическое измышление. Россия катилась другим путем и к другим станциям, но как раз потому, что Россия отнюдь не являлась уникальной, а вместе с другими странами, такими, как Бразилия, Китай, Индия или Гана становилась частью и особой категорией общего мирового процесса⁴. Сущность тех огромных изменений, которые происходили в течение 50-летия после Второй мировой войны, деколонизации и особенно провала в осуществлении главных целей постколониальных реформ (которые ранние советские пятилетки выразили лозунгом "Догнать и перегнать Америку!") объясняются именно "зависимым развитием" этих стран. Особенности России не надо преувеличивать — они выступают резко главным образом из-за замкнутости равнения на Западную Европу и США.

Тема особой исторической модели "зависимого развития" широка, и я обозначаю ее тезисно. В течение более двух столетий ве-

---

¹ *Alavi H., Shanin T.* Introduction to the Sociology of "Developing Societies". L., 1982; *Roxborough I.* Theories of Underdevelopment. L., 1979.

² Ibid.

³ *Gershenkron A.* The Transformation of Russian Society. Cambridge, 1960; *Baran P.* The Political Economy of Growth. N.Y., 1967.

⁴ *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". New Haven, 1985.

душей теорией истории мировых сообществ была идея прогресса, согласно которой все общества в силу естественных законов неизбежно двигались все более сходной дорогой ввысь — ко всеобщему глобальному единству, братству, знанию и человеческому счастью. В этом процессе "продвинутые" страны просто показывают "отсталым" их собственное будущее — русские ученые легко узнают эту метафору-перефразировку. В ходе же исторического развития дистанции между странами обязательно будут постепенно уменьшаться. Лишь немногие мыслители противостояли этому взгляду, считая, что человеческая сущность неизменна, а поэтому прогресс неестествен и иллюзорен. Постколониальный мир ООН показал, что мир и люди в нем меняются, но меняются по-разному, и что разрыв между богатыми и бедными, как стран, так и населения в них, увеличивается. С 60-х годов главной альтернативой прогрессизму стала не идея неизменных сущностей, а модель "зависимого развития" как новая красная нить понимания постколониальных обществ, как и других обществ со схожими характеристиками, таких, как Китай и Турция. Первоначальными понятийными элементами, присущими этому взгляду, были такие, как "циркулярная причинность" Мюрдаля (G.Myrdal), согласно которой (вопреки оптимизму 50-х годов, согласно которому всегда легче "догнать", чем самому создавать новое), экономический раскол развитых и догоняющих стран неизбежно ведет к "кумуляции привилегий и слабостей", а в связи с этим — к обогащению богатых и усилению сильных, и наоборот¹. В эту концепцию вошла и классовая модель в международном исполнении П.Барана, где "пролетарские нации" эксплуатируются глобальными накопителями богатств, в результате чего в эксплуатируемых странах консолидируется особая внутренняя социальная структура, консервирующая в них негативное состояние экономики, политики и культуры². Это была также стратегия "замещения экспорта" индустриализации, нацеленная на выход из усиливающего неравенство обменного цикла с центрами мирового капитализма, латиноамериканских ученых, особенно Фуртадо (C.Furtado)³. В противовес полнокровному "прогрессизму" 50-х годов этот анализ дал первое рациональное объяснение тяготеющему над ООН парадоксу все усиливающегося разрыва между богатыми и бедными ее сочленами ("the growing gap"), который никто не предугадал в дни великого оптимизма деколонизации.

Центральная проблема теории зависимого развития — политический, экономический и этический кризисы и парадокс все увели-

---

¹ Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloping Regions. L., 1967.

² Baran P. Op. cit.

³ Furtado C. Economic Development in Latin America. Cambridge, 1970.

чивающегося разрыва между развитыми и развивающимися" странами — получила рациональное объяснение, которое несло важнейший политический смысл. На более позднем этапе уроки "зависимого развития" и стратегии его преодоления, которую мы и теперь не можем вполне осознать, включали великие порывы, великие прорывы, как и длиннострочные поражения стратегических реформ Неру, Нассера и Нуереры (в Индии, Египте и Танзании соответственно), многие военные диктатуры, как и их слом под влиянием самокоррупции.

Вернемся к нашей теме — к судьбам России последнего столетия. Россия 1890—1917 гг. как советского, так и постсоветского времени представляла собой страну "зависимого развития" в классическом смысле, приданном этому понятию в 1960-х годах. Это не было ни точкой на еще одной обязательной траектории развития, ни началом осуществления марксизма в парадоксально "неправильном" месте мирового шара (т.е. не в точке высшего прогресса, а в стране слабо-развитого капитализма). Это была революция "нового типа", характерная для "развивающихся" ("третьемирских") стран, сходная по характеру с революционным движением XX в. в Мексике, Турции, Китае и Индии. Не случайно, что постепенное осознание особенностей этих потрясений послужило в России созданию важнейших стратегий "выхода из третьемирства" и реальным усилиям осуществить политически две из них — стольпинскую и ленинскую. Для России, но и для большинства человечества, XX а прошел под знаком борьбы этих двух стратегий и идеологий. Общим для них было понимание обязательности глубоких структурных реформ, чтобы "вырваться" из уз "отсталости". Разными были классовые цели, как и направленность революционных стратегий слома структур прошлого мира (особенно по отношению к крестьянскому большинству населения). Разными были также и определения идеального будущего, но в этом последнем заблуждались, конечно, оба направления.

Что следует из этого взгляда на историю России? Прежде всего, в социально-экономическом и политическом кризисе современной России следует видеть не краткосрочное явление, а кризис, продолжающийся более столетия, где советский период — не ошибка истории, в ходе которой Россия выпала из естественного "прогресса", и не выдвигание России в авангард человечества, который почему-то прекратили злые люди и заграничные агенты. Над всеми этими периодами — предсоветским, советским и постсоветским — довлеет сквозная "третьемирность" российского общества (со спецификой, заданной для таких крупных стран-материков, как Бразилия и Индия, и с древней традицией мощной имперской государственности, такой, как в Китае). Все это отнюдь не ставит под вопрос особенности России. Каждая страна особенна во многих смыслах этого слова. Но историческая социология не должна абсолютизиро-

вать ни особенности, ни сходства в развитии разных стран и народов как настоящего, так и будущего.

Для России XX в. стал характерен кризис обществ, который в условиях усиливающегося "глобализма" реальных экономических, военно-политических и других процессов, а также реального неравенства и нестыковки с культурными и социальными особенностями "развитых" стран чаще всего реагировали по рецептам Листа, политически выраженными Бисмарком в Германии и графом Витте в России. Этот рецепт был "первой поправкой" к политэкономии Адама Смита и предлагал обязательное, но временное вмешательство государства для ускорения "экономического роста" и стимуляции рыночного обращения. Это связывалось с предоставлением привилегий местным производителям и отечественному капиталу, для того чтобы догнать "первопроходцев" индустриализации, а выровняв этим поле игры, продолжить соревнования на равных (и на "свободном" рынке). Следующим шагом — "второй поправкой" — стала стратегия для обществ, где листовская стратегия не дала ожидаемой отдачи — стратегия "прорыва" через глубокую структурную перестройку, за которой откроется место листовскому этапу контролирования развития, а еще далее — смитовскому мировому свободному обмену продуктов, обогащающему всех В России это было опробовано сначала радикальными столыпинскими реформами не только сельских сообществ, но также — в чем Столыпин так и не смог перейти к исполнению — в глубокой реформе государственного управления (обе включались в те 20 лет мира, нужных, по словам П.Столыпина, чтобы сделать Россию неузнаваемой).

На следующем этапе истории России та же оценка характеристик экономического развития и цель "вырваться из оков старого мира" представлены революционным ленинизмом, нацеленным, конечно, на несравнимо более глубокий слом структуры, "а затем..." переход к государственному стратегическому плану экономического развития (перешедшему в 30-х годах в вирулентные¹ формы, приведшие в 70-х годах к спаду эффективности и коррупции элит, а в 90-х годах — к самоуничтожению системы). Россия — это общество, которое в последнее столетие прошло несколько раз от невероятного оптимизма вождей, которым мнился быстрый переход России в новую Англию, Германию, Техас, и того более — к глубочайшему разочарованию в условиях экономического спада и политически — к потере места в международном соревновании.

Сквозной для истории России последних 100 лет была социальная структура, экономические процессы и идейные самоопределения типично "третьемирского" ряда. При этом не следует, конечно, отрицать вклада общемирового процесса капитализма и специфики

---

¹ Virulentus — ядовитый (*лат.*).

особой культурной сферы. Аналитические модели не дают и не могут дать полной картины общества, они выборочно определяют логические связи ее элементов. Это часть картины, но без нее реалистический анализ картины и ее понимание невозможны. Вот в этом смысле история России в последние 100 лет — и это существенная ее характеристика — есть история "третьемировской" страны С ее драматической и трагически неудавшейся попыткой попасть в клуб "тех, кто впереди", более того, стать "впереди планеты всей". В эту общую динамику характеристик интеллигенции и крестьянства России начала века (с важным общественным опытом 1905—1907 гг. и мировой войны) вписался сильный социалистический и популистский импульс, который дал особую окраску постреволюционному обществу и государству. Но и здесь надо помнить — сильный социалистический импульс борьбы за справедливость, мечта "вырваться из оков", гнев обездоленных — часть жизни всего мира, названного "третьим".

Сквозными процессами и особенностями истории России XX в. как "третьемировской" страны были и остаются:

1. Неспособность конкурировать на мировых рынках по большинству параметров новейших технологий и капитальных вложений. Расплатой за "прорыв" на "узком фронте" военных технологий 60—80-х годов стало резкое снижение эффективности других элементов экономики России¹.

2. Хронический и особо резкий разлад элементов общественной системы как между разными ее сферами (политической, экономической, социальной, культурной, идеологической), так и внутри каждой из них.

3. Слабые в своей самоорганизации и политическом выражении социальные классы.

4. Глубочайший отрыв элит от массы населения: фактическое наличие двух социальных миров на территории одной страны, а вследствие этого разросшихся и агрессивных систем цензуры, подавления и политического контроля, а также и коррупции кадрового состава.

5. Государственный капитализм как решающее звено социально-экономической жизни, где не существует четкого разделения сфер государственной власти, экономики и собственности, юрисдикции, полицейского надзора.

6. Особенности внутренней динамики, характерные для расцвета "государственных экономик": то, для чего в России были созданы понятия "авральщины", "недостроя", "халатности" и пр., экономическое развитие, которое проходит рывками и связано с крайне

---

¹ Аганбегян А.Г. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1998.

неэффективным употреблением человеческих и технических ресурсов, а также и с динамикой затухания. Это также расцвет незаконных систем экономического взаимодействия, в которых переплетается взяточничество, возведенное в системы, неформальная экономика и т.д. Для России стал также характерным такой важный элемент жизни современных "третьемирских" стран, как зависимость от экономически более мощных систем, и в то же время идеологии автаркии—ограничения этой зависимости (подобия "замещения импорта" Латинской Америки 1940—1970 гг.). Советский период прошел под знаменами борьбы за экономическую независимость и мировое превосходство, но в реальности создал глубокую зависимость от экспорта сырья (даже для того, чтобы накормить собственное население). В этом проявляется, конечно, классическая модель "зависимого развития" ("третьемирской" страны, несмотря на спутники, ракеты и лучший балет в мире).

"Третьемирскость" СССР становится виднее, когда переходишь от рассмотрения формальной структуры к реальным соотношениям ее экономических компонентов и способов выживания большинства ее населения: особенностей семейной и локальной экономик взаимопомощи, внерыночного и внесударственного вида, взаимоотношения элит, этнически закрытых миров, характерных для значительной части нерусского населения, роли блага и т.п.

Огосударствление экономики Советского Союза и нацеленность на тотальный контроль общества партийно-государственной системой резко усилили тенденции, но не изменили их принципиальной направленности и внутренних противоречий. Не надо забывать, что не только в СССР, но и в до- и постсоветский периоды реальный характер отношений собственности и ее юридического внедрения зависел в высочайшей мере от политической власти и перетасовок в политических верхах. Особенностью советского периода был переход от того, что Эвене определял как классическое трио элит "развивающихся стран" — госбюрократии, иностранного капитала и связанного с ним местного капитала в качестве младшего партнера к дуальности госбюрократии и "хозяйственников" с партсистемой как арбитром. Распад партгосударства возвратил трио элит, "нормализовав" третьемирство России в условиях резкого усиления США и МВФ и связанных с ними "глобальных" экономических институтов.

Кроме проявлений "третьемирского" столетнего кризиса России в каждом из трех ее главных периодов конечно же существовала и специфика. Ограничимся примером, относящимся к советскому периоду. Для него важнейшими являлись:

1. Резкое повышение образовательного статуса населения и исследовательского потенциала, которое по скорости можно было бы оценить как культурную революцию. Этим были созданы интеллекту-

ально богатейшие центры знаний, хотя для большинства населения этот процесс оказался более "широким", чем "глубокими".

2. Распад сельских сообществ: от социальной катастрофы коллективизации к хрущевскому освобождению крестьян, от закрепощенности в своих селах к брежневскому укрупнению совхозов и колхозов с резкой и неровной урбанизацией, которая изменила характер России и привела ее на грань экологической катастрофы. В селах это выразилось особенно в исходе молодых, здоровых и образованных, в резком сокращении сельского ремесленничества и превращении большей части сельской России в крупнейший отстойник социальной неадекватности.

Мы можем продолжить разбор особенностей России и ее общности с другими странами, включенности в процессы, которые сегодня (и очень неточно) называют "глобализацией". Важнее отметить то, что обычно не замечается, так как идет вразрез как с "западническими" теориями "прогресса" русских политиков, так и с идеологиями русского национализма разных мастей. Это "третьемирскость" России как центральный элемент ее существования и развития в XX в.